

ОСМЫСЛЕНИЕ ФЕНОМЕНА РОДНОГО ЯЗЫКА В ТВОРЧЕСТВЕ КОНСТАНТИНА ПАУСТОВСКОГО: ЛИНГВОЭКОЛОГИЧЕСКИЙ И КОНЦЕПТУАЛЬНО-ЭСТЕТИЧЕСКИЙ АСПЕКТЫ

Аннотация.

В статье с позиций недавно сформировавшегося научного направления – лингвистической экологии – интерпретируются и обобщаются высказывания о сущности родного языка и его очевидной значимости для личностного становления человека, которые содержатся в художественно-публицистических произведениях одного из выдающихся русских прозаиков XX века – К.Г. Паустовского. Особое внимание уделено высказываниям писателя о необходимости подходить к родному языку с лингвоэкологических позиций представителям творческих профессий, прежде всего – художников слова, для которых подобные принципы являются основополагающими для совершенствования профессионального мастерства.

Ключевые слова:

родной язык, лингвистическая экология, К. Паустовский, образное осмысление, ценностные смыслы, индивидуально-авторское своеобразие, писательское мастерство.

Терминологическое выражение «родной язык» входит сегодня в терминологические множества научных сфер, среди которых значимое место занимают междисциплинарные области с выраженным (и, как правило, ведущим) лингвистическим компонентом: этнолингвистика; социоллингвистика; психоллингвистика; коммуникативная лингвистика (теория и практика речевой коммуникации); методика преподавания языка – как родного, так и неродного – и др. Между тем нередко чёткого представления об этом феномене не существует даже в рамках одной научной дисциплины, оперирующей данным понятием, не говоря уже о разночтениях, которые наблюдаются при его осмыслении с позиций разных наук. Так, «Словарь социоллингвистических терминов» (2006), достаточно развёрнуто характеризуя данное терминологическое выражение, отмечает у него **четыре** значения:

«Родной язык»

1. То же, что и материнский язык. Первый язык, который усвоен человеком с детства («язык колыбели»). Обычно он совпадает с языком родителей или одного из них. Бывают случаи, когда человек впоследствии усваивает другой язык, который становится для него основным средством общения. Однако обычно позитивное эмоциональное отношение к родному языку при этом сохраняется. Родной язык служит одним из основных признаков национальной (этнической) принадлежности человека.

2. То же, что этнический язык. Как показали полевые исследования, для большинства этносов РФ понятие «родной язык» неразрывно связано с понятием языка своей народности независимо от степени владения им и является одним из основных показателей национальной принадлежности (информант в анкете в графе «Ваш родной язык» указывает этнический язык, напр., селькуп указывает селькупский, но сам практически его не знает, даже на уровне понимания речи).

3. То же, что и функционально первый язык.

4. То же, что национальный язык (2), т. е. язык любого народа, населяющего РФ, кроме русского. В этом значении термин используется ограниченно – в тех случаях, когда «родной язык» обучения противопоставляется «русскому языку» обучения при описании различных типов учебных заведений (ср.: школы с родным языком обучения и школы с русским языком обучения). Это противопоставление основано на различном функциональном статусе русского языка (используемого во всех коммуникативных сферах) и других языков

¹⁶⁰ © Зайцева И.П. - доктор филологических наук, профессор. Витебский государственный университет имени П.М. Машерова. Зайцева Ирина Павловна. ОСМЫСЛЕНИЕ ФЕНОМЕНА РОДНОГО ЯЗЫКА В ТВОРЧЕСТВЕ КОНСТАНТИНА ПАУСТОВСКОГО: ЛИНГВОЭКОЛОГИЧЕСКИЙ И КОНЦЕПТУАЛЬНО-ЭСТЕТИЧЕСКИЙ АСПЕКТЫ // Материалы IV Международной Интернет-конференции «Русский язык: прошлое, настоящее, будущее. 2023» // ред. Лесников С.В. СПб.: Редакция альманаха «Говор», 2023. ISSN 2713-2013. N113 <https://doi.org/10.48612/govor/7hfv-uedm-mmdr>.

(используемых в большем или меньшем числе сфер)» (Словарь социолингвистических терминов 2006, с.187).

Процитированный словарь соотносит толкуемый термин с такими понятиями, как «билингвизм», «социолингвистическая классификация языков», «функционально первый язык», «язык первичной социализации», также с одним из значений терминологического выражения «национальный язык» («этнический язык одного из народов, проживающих на территории РФ (но не русский язык)'), «традиционно используемом в методической литературе, в лингвистических работах, связанных с описанием языковой жизни РФ» (Словарь социолингвистических терминов 2006, с.149).

В приведённом описании отражены, по сути, все точки зрения на данный феномен, сформировавшиеся к настоящему времени. Первое значение, в котором данное понятие употребляется как в языкознании, так и в ряде «стыковых» с лингвистикой наук (социолингвистика, психолингвистика и т. п.), представляет наиболее распространённое толкование понятия «родной язык», соотносимое с аналогичными по трактовке терминами в ряде западноевропейских языков. В этом толковании отражены первые попытки научного осмысления данного понятия, которое терминологический смысл приобрело не так давно, не ранее середины XX столетия, когда оно стало достаточно системно включаться в справочные источники – как лингвистические, так и энциклопедические. Ср., в частности, в связи со сказанным толкование, помещённое в одном из первых отечественных словарей лингвистических терминов (1966), составленный О.С. Ахмановой: «Язык родной англ. *mother tongue*, *native language*, фр. *Langue maternelle*, нем. *Muttersprache*, исп. *lengua materna*. Язык, усваиваемый человеком в раннем детстве путём подражания окружающим его взрослым» (Ахманова О.С. 1966, с.533).

В настоящее время, будучи включённым в терминофонды различных разделов языкознания, а также многих сопряжённых с лингвистикой междисциплинарных научных областях (лингвокультурология, теория и практика межкультурной коммуникации и др.) это значение нередко получает уточнение. Так, к примеру, в первом отечественном «Словаре терминов межкультурной коммуникации» (2013), одной из лексикографических источников нового типа, данное понятие – «язык родной» – определяется как «*mother tongue, native language*. – Язык, используемый индивидом с рождения, **полученный в монолингвальной семье**. В определённых условиях родной язык ребёнка может отличаться от языка его родителей. При смене языка родной язык может не совпадать с первым языком индивида» (Выделено мною. – И. З.) (Жукова И.Н. 2013, с.493).

Второе из представленных в «Словаре социолингвистических терминов» значений рассматриваемого термина функционирует преимущественно в научных исследованиях этнографической, демографической и т. п. проблематики, на что указывает и круг соотносимых с термином «родной язык» понятий, приведённый выше. Ср, например, толкование термина «родной язык», помещённое в «Демографическом энциклопедическом словаре» (1985): «**Родной язык**, один из основных признаков этнической (национальной) принадлежности, уступающий по своему значению лишь признаку этнического самосознания; несовпадение этих показателей обычно свидетельствует о развитии процессов ассимиляции» (Демографический энциклопедический словарь 1985, с.372).

Значения 3 и 4 в приведённом толковании ориентированы преимущественно на одну из областей социолингвистики, которая охватывает сферу языковой политики – её

принципов, форм существования в различных государственных образованиях и т. п. Поскольку особенности осуществляемой языковой политики в любом государстве так или иначе находят отражение в политике образовательной, понятие «родной язык» с позиций педагогики осмысливается *комплексно* – как правило, с учётом и его политической значимости. Так, у помещённого в «Новом словаре методических терминов и понятий (теория и практика обучения языкам)» Э.Г. Азимова и А.Н. Щукина (2009) у термина «родной язык» отмечено два значения, которые это подтверждают: **«РОДНОЙ ЯЗЫК. 1. Язык родины, усваиваемый ребёнком в раннем детстве путём подражания окружающим его взрослым. Ср. неродной язык. В Декларации прав народов России (1917) было провозглашено право каждого народа осуществлять обучение на родном языке. В 20–30-х гг. была создана письменность для многих народов, разработана учебная и научная литература. Однако в последующие десятилетия сферы использования родного языка значительно сужались, в том числе в системе образования. Родной язык был оттеснён в начальную школу, а общее и высшее образование учащиеся получали на русском языке. В соответствии с Федеральным законом о языках (1991) и республиканскими законодательными актами создаются условия для изучения и преподавания родного языка, который на территории ряда бывших союзных республик стал одним из иностранных языков, так как особенность нерусской школы с нерусскими учащимися состоит в том, что вся работа в ней строится с использованием двух языков (родного и русского), то изучение русского и родного языков в таких школах должно осуществляться в тесном взаимодействии. См. также *двуязычие*. 2. Основной язык обучения и учебный предмет. Преподавание родного языка осуществляется в школе, а также в дошкольных учреждениях. Преподавание родного языка направлено на усвоение учащимися сведений о фонетических особенностях, словарном составе, грамматическом строе, формировании умений свободного владения в устной и письменной форме, развитие культуры речи и мышления»** (Выделено мною. – И. 3.) (Азимов Э.Г. 2006, с.264). При этом нельзя не отметить, что процесс формирования у личности родного языка представлен в данном источнике достаточно оригинально: *усваиваемый ребёнком в раннем детстве путём подражания окружающим его взрослым*.

Категория «родной язык» закономерно входит в число ключевых исследовательских дефиниций недавно оформившейся междисциплинарной области, получившей название **лингвоэкологии** (лингвистической экологии), или **эколингвистики**. К настоящему моменту исследователями предложено уже несколько определений этого научного направления, однако необходимость проецирования лингвоэкологической проблематики прежде всего на функционирование **родного** языка (что нам видится принципиально важным!) отмечается лишь в некоторых из них. Так, один из самых известных специалистов в данной научной сфере, А.П. Сковородников, в развёрнутом описании лингвоэкологии, которое помещено в словаре-справочнике «Эффективное речевое общение» (2014), определяя сферу интересов этой науки, сосредоточивает внимание *на языке в принципе* (хотя, судя по всему, сказанное касается в первую очередь языка родного, а уж затем всех иных, могущих использоваться человеком в общении): **«ЛИНГВОЭКОЛОГИЯ, или ЭКОЛИНГВИСТИКА, – отрасль (направление) языкознания, предметом изучения которой является состояние языка и языковой (речевой) среды; изучение факторов, влияющих (негативно или позитивно) на развитие языка и речевой культуры; путей и способов защиты языка от негативных влияний, в т. ч. от не мотивированных социальными и культурными потребностями внешних и**

внутренних заимствований, вульгаризации речи, лексической и фразеологической эрозии (обеднения) и т. д., а также определение условий, способствующих обогащению языка и его оптимальному развитию. Особенностью подхода к фактам языка и речи с позиций лингвоэкологии является их социальная оценка с учётом исторических условий и тенденций развития данного языка, факторов системы и нормы, критериев социокультурного, политико-экономического, идеологического, этического и эстетического порядка» (Сковородников А.П. 2014, с.284).

В энциклопедическом словаре-справочнике «Культура русской речи» (2003) приведены два определения лингвистической экологии (лингвоэкологии): в одном из них, принадлежащем А.П. Сковородникову, лингвоэкология определяется сходно с процитированным выше описанием (Сковородников А.П. 2003, с. 292). В другом же, автором которого является Л.И. Скворцов, этот термин трактуется как *использование на практике результатов лингвистической экологии*, понимаемой как один из аспектов лингвистических исследований в области языка и речи, в который входит «забота о языке как о духовной среде обитания человека; культивирование бережного, любовного отношения говорящих и пишущих **к родному языку как важнейшему средству общения, сокровищнице национальной культуры**» (Выделено мною. – И. З.) (Скворцов Л.И. 2003, с.294).

Именно этот аспект исследования лингвоэкологии представляется нам в настоящее время одним из наиболее актуальных для дальнейшего осмысления лингвоэкологической проблематики как с научно-теоретических позиций (прежде всего потому, что он, с нашей точки зрения, теснейшим образом связан с *ценностными*, включая *ценностно-образные*, установками носителей русской лингвокультуры), так и в плане разработки – выявления, систематизации, обобщения – важнейших форм воплощения именно того отношения к языку, которое призвана сформировать и закрепить лингвоэкология во всех областях жизнедеятельности человека – в особенности тех, которые непосредственно связаны с морально-нравственной и этической сферами, причём как коллективного национально-языкового сознания, так и индивидуального.

При разноаспектном постижении сути родного языка особую значимость в качестве исследовательского материала приобретают произведения (коммуникативно-речевые образования) различной жанрово-стилистической принадлежности, где этот феномен получает *ценностное* и / или *образное (образно-ценностное)* осмысление – прежде всего, это, конечно, словесно-художественные и художественно-публицистические произведения, – о чём нам уже приходилось размышлять в ряде публикаций (Зайцева И.П. 2017; Зайцева И.П. 2019; Зайцева И.П. 2020).

В этом плане бесценный для исследования материал представляют разного рода коммуникативно-речевые произведения, где родной язык осмысливается в образно-ценностном ключе, причём, как правило, сквозь призму авторского мироощущения и мировидения, которое у творческих людей всегда отличается оригинальностью и собственно концепции, и формы, в которую облакаются размышления. – прежде всего это, безусловно, словесно-художественные произведения, но также и произведения художественно-публицистические, принадлежащие к различным эссеистическим жанрам и нек. другие.

В настоящей публикации с обозначенных позиций рассматривается творческое наследие одного из выдающихся русских прозаиков XX столетия – **Константина Георгиевича Паустовского**, в произведениях которого – литературно-художественных,

принадлежащих к жанру эссе, художественно-публицистических – феномен родного языка получил глубокое и многогранное истолкование – как собственно лингвистическое, так и лингвофилософское, этнолингвистическое, лингвокультурологическое и т. п. понятие.

В основе сформулированного Константином Паустовским отношения к родному языку, часто поражающего не только глубиной, но и остротой и нестандартностью мировосприятия, а также способностью словесно воплотить тончайшие оттенки мирозидения и мироощущения, – убеждение, что *«по отношению каждого человека к своему языку можно совершенно точно судить не только о его культурном уровне, но и о его гражданской ценности. Истинная любовь к своей стране, – продолжает К.Г. Паустовский, – немыслима без любви к своему языку. Человек, равнодушный к родному языку, – дикарь. Он вредоносен по самой своей сути потому, что его безразличие к языку объясняется полнейшим безразличием к прошлому, настоящему и будущему своего народа»* (Выделено мною – И. З.) (Паустовский К.Г. 1953).

Таким образом, для писателя характер отношения *любого* человека – независимо от национальной, социальной, культурной и иной принадлежности – к родному языку (кстати, нелишне заметить, что К.Г. Паустовский чаще всего определяет родной язык всем понятным выражением *свой язык*) – это своеобразный тест на его гражданственность и все связанные с этим свойством личностные качества, прежде всего патриотизм. Эта мысль в различных образно-ценностных воплощениях присутствует не только в процитированной выше статье «Поэзия прозы» (1953), но и во многих других произведениях писателя. Равнодушие человека к родному языку, нежелание постигать его глубину и мощь, вникать в его очарование, наслаждаться его мелодичностью и иным великолепием – не что иное как пренебрежение к своим корням, к своей истории, к своим предкам, которое – в чём К. Паустовский убеждён абсолютно – не только бесполезно, но и крайне вредно для страны, где этот человек живёт, для общества, членом какого является.

Люди же, умеющие ценить красоту своего языка, относящиеся к его богатствам уважительно, бережно и тем более – любовно и трепетно, вызывают у писателя глубочайшую симпатию. В создании образов таких людей, которых немало в произведениях Паустовского, не только проявляется его высочайшее мастерство как прозаика-портретиста, но и отчётливо выражается авторское уважение и даже почтение, иногда переходящие в открытое восхищение человеком, стремящимся проникнуть в самую суть *своего* языка. Таков, например, образ лесника из очерка «Родник в мелколесье» в главе «Алмазный язык» одного из самых известных его произведений – повести «Золотая роза». Весьма примечателен диалог этого персонажа с автором-рассказчиком, которым завершается очерк: *«... главный и неиссякаемый источник языка – язык самого народа, язык колхозников, паромщиков, пастухов, пасечников, охотников, рыбаков, старых рабочих, лесных объездчиков, бакеничников, кустарей, сельских живописцев, ремесленников и всех тех бывалых людей, у которых что ни слово, то золото.*

Особенно ясными для меня стали эти мысли после встречи с одним лесником
Лесник помолчал, поправил на плече охотничье ружьё и спросил:

– Вы, говорят, вроде книги пишете?

– Да, пишу.

– Значит, соображение слов у вас должно быть обдуманное. А я вот как ни прикидываю, а редко какому слову найду объяснение. Идёшь по лесу, перебираешь в голове слово за словом, и так их прикинешь и этак: откуда они взялись? Да ничего не получается.

Познаний у меня нет. Не обучен. А бывает, найдёшь слову объяснение и радуешься. А чему радоваться? Мне не ребят учить. Я лесной человек, простой обходчик.

– А какое слово к вам привязалось сейчас? – спросил я.

*– Да вот этот самый родник. Я это слово давно приметил. Всё его обхаживаю. Надо думать, получилось оно оттого, что тут вода зарождается. **Родник родит** реку, а река льётся-течёт через всю нашу матушку землю, через **всю родину**, кормит **народ**. **Вы** **глядите, как это складно выходит, – родник, родина, народ. И все эти слова как бы родия между собой. Как бы родня!** – повторил он и засмеялся» (Выделено мною. – И. З.) (Паустовский К.Г. 1955).*

Лесник – человек совсем не связанной со словесно-художественным творчеством профессии, не получивший какого-либо специального образования, о чём он сам и сообщает собеседнику, демонстрирует при этом фантастическое *чувство языка*, руководствуясь которым, он очень грамотно и логично не только образно-ценностно объединяет в своём сознании деривационно связанные слова русского языка (*родник – родит – родина – народ – родня*), но и осмысливает их, говоря академическим языком, в русле *ключевых принципов* национально-языковой картины мира носителей русской лингвокультуры. Именно так всё произнесённое лесником и было оценено его собеседником (в очерке – автором-рассказчиком) – представителем творческой профессии, человеком, безусловно, образованным, профессионально, с лингвоэкологических позиций, прокомментировавшим услышанное, что и отражено в его высказывании: *«Простые эти слова открыли мне глубочайшие корни нашего языка. Весь многовековой опыт народа, вся поэтическая сторона его характера заключались в этих словах»* (Выделено мною – И. З.) (Паустовский К.Г. 1955).

Эта же тема и в подобном же ключе раскрывается во многих произведениях писателя – ср., например, размышления из ещё одной замечательной главы повести «Золотая роза», о которой далее ещё пойдёт речь – главы «Словари»:

*«Я знал нескольких паромщиков и перевозчиков. **Вот у кого нужно учиться русскому языку!** ...*

Почти все паромщики – люди словоохотливые, острые на язык и бывалые. Особенно они любят поговорить к вечеру, когда народ перестает валандаться взад-вперёд через реку, когда спокойно опускается солнце за крутояром – высоким берегом – и толчётся в воздухе и зудит мошкара.

Тогда, сидя на лавочке около шалаша, можно деликатно взять заглубевшими от канатов пальцами папироску у залётного человека, который никуда не торопится, сказать, что, конечно, «лёгкий табак – одно баловство, не доходит он до нашего сердца», но всё же с наслаждением закурить, прищуриться на реку и начать разговор.

Вообще вся шумная и разнообразная жизнь на речных берегах, на пристанях (их зовут дебаркадерами, или «конторками»), около наплавных мостов-плашкоутов со множеством толкущегося там речного народа, с его особыми нравами и традициями, даёт богатую пищу для изучения языка» (Паустовский К.Г. 1955).

В этой же главе автор подробно описывает одну из своих удивительных «языковых» находок – неожиданно обнаруженный им источник для постижения глубин русского языка, причём не его литературного ядра, а всего – общенародного – языка, т. е. русского языка во всём его много- и разнообразии, включающего в том числе и языки профессиональные

(квалифицируемые также как языки специальные, профессиональные жаргоны и т. п.), об одном из которых и идёт в данном случае речь: *«В поисках слов нельзя пренебрегать ничем. Никогда не знаешь, где найдёшь настоящее слово.*

Изучая море, морское дело и язык моряков, я начал читать лоции – справочные книги для капитанов. В них были собраны все сведения о том или ином море: описание глубин, течений, ветров, берегов, портов, маячных огней, подводных скал, мелей и всего, что необходимо знать для благополучного плавания. Существуют лоции всех морей.

Первая лоция, попавшая мне в руки, была лоция Чёрного и Азовского морей. Я начал читать её и был поражён великолепным её языком, точным и неуловимо своеобразным.

Вскоре я узнал причину этого своеобразия: безыменные лоции издавались с начала XIX века через равный промежуток лет, причём каждое поколение моряков вносило в них свои поправки. Поэтому вся картина изменения языка больше чем за сто лет с полной наглядностью отражена в лоции. Рядом с современным языком мирно существует язык наших прадедов и дедов.

По лоции можно судить, как резко изменились некоторые понятия. Например, о самом жестоком и разрушительном ветре – новороссийском норд-осте (боре) – в лоции говорится так:

«Во время норд-оста берега покрываются густою мрачностью».

Для наших прадедов «мрачность» означала чёрный туман, для нас она – наше душевное состояние.

Вся морская терминология, так же как и разговорный язык моряков, великолепна. Почти о каждом слове можно писать поэмы, начиная от «розы ветров» и кончая «гремящими сороковыми широтами» (это не поэтическая вольность, а наименование этих широт в морских документах)» (Выделено мною. – И. З.) (Паустовский К.Г. 1955).

В приведённом выше – весьма пространным – фрагменте затронут целый ряд проблем лингвоэкологического характера, в отношении решения которых у К. Паустовского, как и во множестве других случаев, есть вполне определённое мнение – мнение человека не только высоко образованного, досконально знающего свой язык и блестяще владеющего им профессионально, но и бесконечно любящего этот язык и оберегающего его. Одна из поднятых в этом высказывании проблем – мера соотношения в писательском творчестве и в общении в принципе (причём общении, осуществляемом какими бы то ни было по своему статусу носителями русского языка) языковых средств литературного и нелитературного характера. При этом в поисках ответов на возникающие при решении таких проблем вопросы необходимо учитывать, что, во-первых, абсолютной, непроницаемой, границы между этими средствами не существует; во-вторых, что в разные временные эпохи одни и те же средства языка могут занимать весьма различные места в языковой системе, что закономерно отражается и на их речевом статусе. Последнее К. Паустовский блестяще демонстрирует на примере замечаний к употреблению в разное время такой номинации, как «мрачность»: *Для наших прадедов «мрачность» означала чёрный туман, для нас она – наше душевное состояние.*

В этой же главе повести «Золотая роза» писатель формулирует своё отношение к обозначенной проблеме очень чётко и при этом, с нашей точки зрения, практически исчерпывающе: *«Злоупотребление местными словами обычно говорит о незрелости и недостаточной художественной грамотности писателя. Слова берутся без разбору, мало понятные, а то и вовсе непонятные широкому читателю, берутся больше из щегольства, чем из желания придать живописную силу своей вещи.*

Существует вершина – чистый и гибкий русский литературный язык. Обогащение его за счёт местных слов требует строгого отбора и большого вкуса. Потому что есть немало мест в нашей стране, где в языке и произношении, наряду со словами – подлинными перлами, есть много слов корявых и фонетически неприятных» (Выделено мною. – И. З.) (Паустовский К.Г. 1955).

Богатство же русского языка в плане обладания целыми палитрами названий для обозначения многих явлений, зафиксированное не только в его литературной, нормированной, части, но и в диалектах и иных нелитературных коммуникативно-речевых сферах, множество раз подчёркивается писателем в его произведениях. При этом нелишне напомнить, что Константин Паустовский принадлежит к числу наиболее ярких эссеистов советского времени – ср.: «Из советских писателей эссеистику создавали А.В. Луначарский, И.Г. Эренбург, Ю.К. Олеша, В.Б. Шкловский, **К.Г. Паустовский**» (Выделено мною. – И. З.) (Муравьёв В.С. 2001, стб. 1247).

Жанр эссе, как известно, «не претендует на определяющую или исчерпывающую трактовку предмета», но при этом «предполагает новое, субъективно окрашенное слово о чём-либо и может иметь философский, историко-биографический, публицистический, литературно-критический, научно-популярный или чисто беллетристический характер. Эссеистический стиль отличается образностью, афористичностью» (Муравьёв В.С. 2001, стб. 1247–1248). Художественная публицистика К. Паустовского глубоко эссеистична, что особенно заметно в его рассуждениях о связи языка и природы, органичность которой писатель акцентирует постоянно, подтверждая это множеством очень ярких примеров. Это и вошедшее во многие учебные пособия по стилистике и другим лингвистическим дисциплинам рассуждение писателя о характеристиках дождя в народном языке, и многие другие; большинство из них включены в главы «Алмазный язык», «Язык и природа» и «Словари» повести «Золотая роза»:

«В это лето я узнал наново – на оцупь, на вкус, на запах – много слов, бывших до той поры хотя и известными мне, но далёкими и непережитыми. Раньше они вызывали только один обычный скудный образ. А вот теперь оказалось, что в каждом таком слове заложена бездна живых образов.

Какие же это слова? Их так много, что неизвестно даже, с каких слов начинать. Легче всего, пожалуй, с «дождевых».

Я, конечно, знал, что есть дожди морозящие, слепые, обложные, грибные, спорые, дожди, идущие полосами – полосовые, косые, сильные окатные дожди и, наконец, ливни (проливни).

Но одно дело – знать умозрительно, а другое дело – испытать эти дожди на себе и понять, что в каждом из них заключена своя поэзия, свои признаки, отличные от признаков других дождей.

Тогда все эти слова, определяющие дожди, оживают, крепнут, наполняются выразительной силой. Тогда за каждым таким словом видишь и чувствуешь то, о чём говоришь, а не произносишь его машинально, по одной привычке» («Язык и природа»);

«Сколько превосходных слов существует в русском языке для так называемых небесных явлений!

Летние грозы проходят над землей и заваливаются за горизонт. В народе любят говорить, что туча не прошла, а свалилась.

Молнии то с размаху бьют в землю прямым ударом, то полыхают на чёрных тучах, как вырванные с корнем ветвистые золотые деревья.

Радуги сверкают над дымной, сырой далью. Гром перекачивается, грохочет, ворчит, рокочет, встряхивает землю.

Недавно в деревне один маленький мальчик пришёл во время грозы ко мне в комнату и, глядя на меня большими от восторга глазами, сказал:

– Пойдём смотреть гром?!

Он был прав, сказав это слово во множественном числе: гроза была обложная, и гремело сразу со всех сторон.

Мальчик сказал «смотреть грома», и я вспомнил слова из «Божественной комедии» Данте о том, что «солнца луч умолк». И тут и там было смещение понятий. Но оно придавало резкую выразительность слову» («Язык и природа»);

«Очень богат русский язык словами, относящимися к временам года и к природным явлениям, с ними связанным.

Возьмём хотя бы раннюю весну. У неё, у этой ещё зябнувшей от последних заморозков девочки-весны, есть в котомке много хороших слов.

Начинаются оттепели, ростепели, капли с крыши. Снег делается зернистым, ноздреватым, оседает и чернеет. Его съедают туманы. Постепенно развозит дороги, наступает распутица, бездорожье. На реках появляются во льду первые промоины с чёрной водой, а на буграх – проталины и проплешины. По краю слежавшегося снега уже желтеет мать-и-мачеха.

Потом на реках происходит первая подвижка льда (именно подвижка, а не движение), когда лёд начинает косо колоться и смещаться и из лунок, продухов и прорубей выступает наружу вода,

Ледоход начинается почему-то чаще всего по тёмным ночам, после того как «пойдут овраги» и полая, талая вода, звеня последними льдинками – «черепками», сольётся с лугов и полей» («Словари») (Везде выделено мною. – И. З.) (Паустовский К.Г. 1955).

Описание разнообразных качеств и богатейших возможностей русского языка в большинстве случаев связывается Константином Паустовским с писательским трудом, а некоторые из его произведений – и прежде всего повесть «Золотая роза» – представляют собой уникальное сочетание рекомендаций писателям и примеры того, как эти рекомендации могут быть реализованы на практике, при написании словесно-художественных произведений. На эту особенность обращают внимание и литературоведы, критически оценивающие творчество автора – ср., например: «Так, в двух произведениях Константина Паустовского (1892–1968) – мемуарной повести «Далёкие годы» (1945) и «Золотой розе» (1953–1955), **которой автор дал подзаголовок «Книга о писательском труде», бережно сохранялся дух романтически-возвышенного, чуткого восприятия жизни, в них царила атмосфера высокой интеллигентности, сама фактура прозы Паустовского была примером подлинной литературности – трепетного отношения к слову, отточенной изобразительности и тонкой лирической выразительности»** (Выделено мною. – И. З.) (Лейдерман Н.Л., Липовецкий М.Н. 2003, с.32).

Рекомендации, которые сформулированы К. Паустовским для писателей, носят неодинаковы по своему характеру и назначению; так, часть из них представляет собой основополагающие, по его мнению, принципы писательского творчества: они заключают в себе концептуальный (концептуально-эстетический, концептуально-ценностный) смысл искусства художественной словесности. Среди высказываний такого рода приводимые далее:

«Писательство – не ремесло и не занятие. Писательство – призвание. Вникая в некоторые слова, в самое их звучание, мы находим их первоначальный смысл. Слово «призвание» родилось от слова «зов».

Человека никогда не призывают к ремесленничеству. Призывают его только к выполнению долга и трудной задачи.

Что же понуждает писателя к его подчас мучительному, но прекрасному труду?

Прежде всего – зов собственного сердца. Голос совести и вера в будущее не позволяют подлинному писателю прожить на земле, как пустоцвет, и не передать людям с полной щедростью всего огромного разнообразия мыслей и чувств, наполняющих его самого.

Тот не писатель, кто не прибавил к зрению человека хотя бы немного зоркости» («Надпись на валуне») (Паустовский К.Г. 1955);

«Запискам старого литератора мы обязаны тем, что кое-кому стал известен этот горестный случай из жизни бывшего солдата 27-го колониального полка Жана Эрнеста Шамета.

В своих записках литератор, между прочим, писал:

«Каждая минута, каждое брошенное невзначай слово и взгляд, каждая глубокая или шутильная мысль, каждое незаметное движение человеческого сердца, так же как и летучий пух тополя или огонь звёзды в ночной луже, – всё это крупинки золотой пыли.

Мы, литераторы, извлекаем их десятилетиями, эти миллионы песчинок, собираем незаметно для самих себя, превращаем в сплав и потом выковываем из этого сплава свою «золотую розу» – повесть, роман или поэму» («Драгоценная пыль»);

«Есть неоспоримые истины, но они часто лежат втуне, никак не отзываясь на человеческой деятельности, из-за нашей лени или невежества.

Одна из таких неоспоримых истин относится к писательскому мастерству, в особенности к работе прозаиков. Она заключается в том, что знание всех соседних областей искусства – поэзии, живописи, архитектуры, скульптуры и музыки – необыкновенно обогащает внутренний мир прозаика и придаёт особую выразительность его прозе. Она наполняется светом и красками живописи, свежестью слов, свойственной поэзии, соразмерностью архитектуры, выпуклостью и ясностью линий скульптуры и ритмом и мелодичностью музыки.

Это всё добавочные богатства прозы, как бы её дополнительные цвета.

Я не верю писателям, не любящим поэзию и живопись. В лучшем случае это люди с несколько ленивым и высокомерным умом, в худшем – невежды» («Искусство видеть мир») (Во всех случаях выделено мною. – И. З.) (Паустовский К.Г. 1955).

В большинстве случаев при осмыслении сути писательского творчества Паустовский непременно упоминает и о воспринимающей стороне – для художника слова это читатель, без которого творчество любого писателя – прозаика, поэта, драматурга – в значительной степени теряет смысл:

«Между прочим, существует своего рода закон воздействия писательского слова на читателя.

Если писатель, работая, не видит за словами того, о чём он пишет, то и читатель ничего не увидит за ними.

Но если писатель хорошо видит то, о чём пишет, то самые простые и порой даже стёртые слова приобретают новизну, действуют на читателя с разительной силой и вызывают у него те мысли, чувства и состояния, какие писатель хотел ему передать.

В этом, очевидно, и заключается тайна так называемого подтекста» («Язык и природа»);

«Жизненный материал – всё то, что Достоевский называл «подробностями текущей жизни», – не изучают. Просто писатели живут, если можно так выразиться, внутри этого материала – живут, страдают, думают, радуются, участвуют в больших и малых событиях, и каждый день жизни оставляет, конечно, в их памяти и сердце свои заметы и свои зарубки.

Необходимо, чтобы у читателей (а кстати, и у иных молодых писателей) исчезло представление о писателе как о человеке, бродящем повсюду с неизменной записной книжкой в руках, как о профессиональном «записывателе» и соглядатае жизни.

Тот, кто будет заставлять себя накапливать наблюдения и носиться со своими записями («как бы чего не забыть»), конечно, наберёт без разбору груды наблюдений, но они будут мёртвыми. Иначе говоря, если эти наблюдения перенести из записной книжки в ткань живой прозы, то почти всегда они будут терять свою выразительность и выглядеть чужеродными кусками» («Зарубки на сердце») (Во всех случаях выделено мною. – И. З.) (Паустовский К.Г. 1955).

Иного рода рекомендации и советы, которые даются Константином Паустовским, носят, на первый взгляд, сугубо практический характер, хотя при более пристальном рассмотрении в них обнаруживается и куда более глубокий смысл. Это, к примеру, размышления писателя о том, как подбирают писатели эпитеты, и одновременно – его советы о том, каким, по его мнению, образом должен происходить этот процесс. В статье «Поэзия прозы» по этому поводу сказано следующее: **«Образ, равно как и эпитет, должен быть точен, свеж и скуп.**

Обычно начинающие писатели грешат обилием образов и эпитетов. Это придаёт их прозе мертвую пышность, сусальную или трескучую красоту.

Бывает, что к одному существительному прилагается несколько эпитетов. Эпитет должен запоминаться. А для этого он должен быть единственным. ...

Часто писатели берут эпитеты «напрокат», иными словами – идут по линии наименьшего сопротивления и просто повторяют те эпитеты, что как бы навсегда приклеены к тем или другим словам.

Нужна смелость, чтобы ввести эпитет свежий, показывающий предмет или явление в том новом его качестве, которое заметил писатель. Такие эпитеты живут долго» (Выделено мною. – И. З.) (Паустовский К.Г. 1953).

В произведениях Константина Паустовского обнаруживается немало советов, подобных приведённому, которые посвящены не только изобразительно-выразительным средствам – тропам и стилистическим фигурам, но и различным общеязыковым явлениям – к примеру, пунктуационной системе русского языка. Безусловно, охарактеризовать их в рамках одной, даже весьма объёмной статьи, не представляется возможным.

Завершить представленные в данной публикации наблюдения было бы, как представляется, уместно двумя высказываниями Константина Паустовского: первое из них касается именно *писательского труда*, а второе – *любого носителя русского языка как своего языка, языка родного*.

«Я думаю, что это своего рода закон – писатель должен знать гораздо больше о том, что пишет (особенно о людях), чем он об этом скажет.

Самая действенная проза – это проза сжатая; из неё исключено всё лишнее, всё, что можно не сказать, и оставлено лишь то, что сказать совершенно необходимо.

Но для того, чтобы писать сжато, надо то, о чём пишешь, знать настолько полно и точно, чтобы без труда отобрать самое интересное и значительное, не растворяя

повествования водой излишних подробностей. Сжатость даётся исчерпывающим знанием» (Выделено мною. – И. З.) (Паустовский К.Г. 1953).

«Русский язык открывается до конца в своих поистине волшебных свойствах и богатстве лишь тому, кто кровно любит и знает «до косточки» свой народ и чувствует сокровенную прелесть нашей земли» («Алмазный язык») (Выделено мною. – И. З.) (Паустовский К.Г. 1955).

Библиография

1. Азимов Э.Г., Щукин А.Н. Новый словарь методических терминов и понятий (теория и практика обучения языкам). – М. : Издательство ИКАР, 2009. – 448 с.
2. Ахманова О.С. Словарь лингвистических терминов. – М. : «Советская Энциклопедия», 1966. – 608 с.
3. Демографический энциклопедический словарь/ Редкол.: Валентей Д.И. (гл. ред.) и др. – М. : Советская Энциклопедия, 1985. – 608 с.
4. Жукова И.Н. Словарь терминов межкультурной коммуникации / И.Н. Жукова, М.Г. Лебедько, З.Г. Прошина, Н.Г. Юзефович; под ред. М.Г. Лебедько и З.Г. Прошиной. – М. : ФЛИНТА; Наука, 2013. – 632 с.
5. Зайцева И.П. Концептуально-эстетическое осмысление феномена родного языка в лирике Риммы Казаковой / И.П. Зайцева // Язык и актуальные проблемы образования : Материалы V международной научно-практической конференции : г. Москва, 21 января 2020 года / под. ред. Е.И. Артамоновой, О.С. Ушаковой. – М. : Диона, 2020. – С. 105–111.
6. Зайцева И.П. Об осознании своеобразия родного языка в условиях «чужой» лингвокультуры (на материале произведения «Урок языка» А.Г. Битова) / И.П. Зайцева // Учёные записки УО «ВГУ им. П.М. Машерова»: сборник научных трудов. – Витебск : ВГУ имени П.М. Машерова, 2019. – Т. 30. – С. 95–100.
7. Зайцева И. П. Художественно-эстетическое осмысление феномена родного языка в романе Милорада Павича «Ящик для письменных принадлежностей» / И.П. Зайцева // Феномен родного языка: коммуникативно-лингвистический, социокультурный, философский и психологический аспекты: сборник научных статей и творческих работ (по итогам научно-методического семинара, посвящённого Международному дню родного языка – 21 февраля 2017 года, Витебск, Витебский государственный университет имени П.М. Машерова) / Витеб. гос. ун-т; редкол.: И.П. Зайцева (отв. ред.) [и др.]; под общ. ред. И.П. Зайцевой и С.В. Николаенко. – Витебск : ВГУ имени П.М. Машерова, 2017. – С. 25–35.
8. Лейдерман Н.Л., Липовецкий М.Н. Современная русская литература: 1950–1990-е годы; пособие для студ. высш. учеб. заведений: В 2 т. – Т. 1. 1950–1968. – М. : Издательский центр «Академия», 2003. – 413 с.
9. Муравьев В.С. Эссе / В.С. Муравьев // Литературная энциклопедия терминов и понятий / Под ред. А.Н. Николюкина. Институт научн. информации по общественным наукам РАН. – М. : НПК «Интелвак», 2001. – Стб. 1246–1248.
10. Сковорцов Л.И. Лингвистическая экология, или Лингвоэкология / Л.И. Сковорцов // Культура русской речи. Энциклопедический словарь-справочник / Под ред. Л.Ю. Иванова, А.П. Сковородникова, Е.Н. Ширяева. – М. : Флинта; Наука, 2003. – С. 294–296.
11. Сковородников А.П. Лингвистическая экология, или Лингвоэкология / А.П. Сковородников // Культура русской речи. Энциклопедический словарь-справочник / Под ред. Л.Ю. Иванова, А.П. Сковородникова, Е.Н. Ширяева. – М. : Флинта; Наука, 2003. – С. 293–294.
12. Сковородников А.П. Лингвоэкология, или Эколингвистика // Эффективное речевое общение (базовые компетенции): словарь-справочник [Электронный ресурс] / под ред. А.П. Сковородникова. Члены редколлегии: Г.А. Копнина, Л.В. Куликова, О.В. Фельде, Б.Я. Шарифуллин, М.А. Южаникова. – 2-е изд., перераб. и доп. – Электрон. дан. – Красноярск : Сиб. федер. ун-т, 2014. – С. 284–285.
13. Словарь социоллингвистических терминов / Отв. ред.: д. филол. н. В.Ю. Михальченко. – М. : РАН, Ин-т языкознания, 2006. – 312 с.

Список источников

14. Паустовский К.Г. Поэзия прозы // Знамя. – 1953. – № 9. – URL: <http://paustovskiy-lit.ru/paustovskiy/public/poeziya-prozy.htm>.
15. Паустовский К.Г. Золотая роза. М. : Эксмо, 1955. – URL: <https://avidreaders.ru/download/zolotaya-roza.html?f=pdf>.